

Къ исторіи еедосѣвскаго толка.

(Продолженіе).

Съ радостью приѣхалъ миротворецъ домой и сообщилъ братіи о своемъ успѣхѣ. Кажется, Польскіе отцы остались Игнатіемъ всетаки довольны и, считая его побѣдителемъ, не судили за нѣкоторыя уступки ¹⁾. Но не такъ отнеслись къ міру „православные“ другихъ мѣстностей. Не примирившіеся раньше—при Никитѣ Осиповичѣ—Москвичи, а также „Новгородстїи“ и „Старорустїи“ еедосѣвцы „не склонилишася принять мирныя договоры“ ²⁾. Это были въ еедосѣвщинѣ элементы консервативныя. Подобнаго рода миръ—съ уступками—по ихъ мнѣнію былъ дѣломъ постыднымъ, и поэтому они осуждали Игнатія за то, что онъ „четырехъ буквъ не возможе въ Выгорѣцкихъ мѣстахъ вмѣстити“. И вообще онъ „много“ отъ этихъ „нелюбителей мира потязася“ ³⁾.

Но Игнатію покуда было некогда препираться со своими несогласными единовѣрцами; некогда ему было выяснять имъ, что сдѣланныя поморцамъ уступки несущественны и лишь временны,—что и самъ онъ понималъ существо примиренія лишь въ видѣ полного торжества еедосѣвскихъ вѣрованій. У него было другое важное дѣло. Приглашеніе Андрея Денисова въ письмѣ 5 Августа poradѣтъ объ обысканіи истинныхъ древнихъ надписаній на крестахъ было и его—Игнатія—личнымъ желаніемъ, конечно лишь въ нѣ-

¹⁾ По крайней мѣрѣ Сказаніе о начъ роздора“ . (стр 100) не называетъ ихъ въ числѣ недовольныхъ.

²⁾ „Сказ. о начъ роздора“. стр 100.

³⁾ *ibid.* стр 101

сколько иной формѣ:—во что бы то ни стало найти на древнихъ крестахъ Пилатову титулу I. N. C. I. И вотъ съ этою цѣлью онъ предпринимаетъ рядъ путешествій по различнымъ мѣстностямъ. Искать онъ усердно—„всюду облетая“, какъ выражается „Сказаніе о началѣ раздора“... Въ своихъ поискахъ онъ добрался даже до Вѣтки. Здѣсь счастье улыбнулось наконецъ неутомимому обыскателю. У поповцевъ „послѣдователей Влысонова“ ¹⁾, онъ нашелъ изображенія крестовъ съ желанною титулою. Некогда было разбирать и опредѣлять дѣйствительную древность попавшихъ въ руки Игнатія крестовъ. Для него было достаточно и дорого уже самое присутствіе на нихъ четверобуквенной титулы. Обрадованный, онъ и самъ теперь еще болѣе утвердился въ своемъ убѣжденіи относительно истинности ея, и другимъ— „своимъ послѣдователемъ“— „всюду разглашаше, доказуя свое четверобуквенное надписаніе быти непреоборимое и толикими свидѣтельствами подкрѣпляемо“ ²⁾. Нашлось и еще кое-что.—И вотъ Игнатію начала предноситься новая поѣздка въ Поморье со столь ясными, какъ ему въ радости казалось, доказательствами въ рукахъ,—а дальше, въ бесѣдахъ, смиреніе неправомыслящихъ пустынножителей,—и въ концѣ концовъ полный и нерастерзаемый миръ между двумя враждующими церквами христіанъ древляго благочестія.

Между тѣмъ въ продолженіе этихъ разъѣздовъ Игнатія пресловутое „письмо Игнатія старца Палья острова“, зазирающее титулу Пилатову, все еще продолжало „обноситься“ среди „христіанъ“ и вызывало среди нихъ „прю и смущеніе“ ³⁾. Послѣ уже состоявшагося примиренія 1727 года этотъ фактъ показывалъ, что поморцы возобновили свои заблужде-

¹⁾ *ibid.*

— Фамилія Влысонова на Вѣткѣ неизвѣстна. Вѣроятно это искаженная фамилія Тимофея Матеѣева Лысеника, или его ученика Василія Власова,—діаконовцевъ, выходцевъ на Вѣтку съ Керженца, боровшихся здѣсь на Вѣткѣ—со „старцемъ“ Феодосіемъ и другими вѣтковцами за четвероконечный крестъ. Эта борьба продолжалась съ 17⁰⁹/₁₀-го по 1724 годъ (Лилеевъ—„Изъ исторіи раскола въ Старод. и на Вѣткѣ“, стр. 191—202). Въ „Сказаніи“ говорится, что эти послѣдователи Влысонова „вмѣшаху и четвероконечный крестъ въ поклоненіе“ (стр. 101).

²⁾ *ibid.*

³⁾ Ркп. И. П. Б. Q. I, 1089. л. 33 обор.

нія и отказались отъ сдѣланныхъ Игнатію уступокъ. Особенно все это должно было обезцѣнивать его дѣло миротворное въ глазахъ тѣхъ, которые и безъ того скептически относились къ результатамъ его поѣздки 1727 года. На нетвердыхъ же въ вѣрѣ это письмо оказывало и прямое „смущеніе“. И вотъ Игнатій въ назиданіе всѣмъ и во убѣжденіе смущающимся разъясняетъ въ 1730-мъ, или въ 1731 году, особымъ окружнымъ письмомъ, что поморцы, въ лицѣ Андрея Денисова, еще на бесѣдѣ 1727 года сами отказались отъ этого письма Игнатія Палеостровскаго, какъ основанія для загрѣнія ими титулы I. H. Ц. I. 1).

Счастливые результаты своихъ розысканій Игнатій представилъ Польскимъ отцамъ, и на общемъ здѣсь совѣтѣ рѣшено было вновь ѣхать ему въ Поморье, чтобы тамъ опять обсудить эту „спасительную догмату“ 2). Отцы снабдили Игнатія и увѣщательными письмами къ поморцамъ 3). Игнатій не замедлилъ отправиться. Спутникомъ его былъ Максимъ Марковичъ 4)—проживавшій въ это время въ Польшѣ воспитанникъ Никиты Осиповича Московскаго 5). Вдвоемъ путешественники сначала заѣхали къ старому знакомцу Игнатія—Федору Калинычу Даниловскому. „Въ самыя Крещенскія мразы“ 6)—1731-го или 1732 года—прибыли они сюда. Найденные на Вѣткѣ списки Игнатій представилъ „предъ очеса, Федору, доказывая ими свою правоту 7). Но Калинычъ не рѣшился безъ совѣта старѣйшихъ поморскихъ отцовъ предпринять какой либо рѣшительный шагъ“ 8). Тогда Игнатій опять сталъ звать его сопутствовать имъ въ Поморье. Калинычъ согласился. „Также—пишетъ онъ въ 1757 году—поѣхали въ великія и нестерпимыя мразы и въ то время нужду и мразъ зѣло несносный претерпѣли. И егда

1) См. описаніе этого письма Игнатія, а равно и текстъ, выше въ при-
мѣчаніяхъ.

2) „Письмо Ф. Калинина въ Москву“—рпк И. П. Б. Q. I. № 443, л. 19^о
об и 192 об

3) *ibid.*—л. 198 обор

4) „Письмо Ф. Калинина“—л. 196 об

5) Дѣло архива Св. Синода—1745 г., 24 июля, № 344

6) „Письмо Ф. Калинина“—л. 193

7) „Сказаніе о нач раздора“.. стр 101

8) *ibid.*

пріѣхали, такожде древнія отцы зѣло возвеселишася о нашемъ пріѣздѣ“¹⁾);—„и покоиша оныхъ душевно и тѣлесно, всяко тѣмъ (т. е. пріѣхавшимъ) творяху споспѣшествоваше“, прибавляетъ авторъ „Сказанія о началѣ раздора Феодосіевыхъ съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ“²⁾). Пріѣхали миротворцы въ Январѣ.

Семень Денисовъ, Трифонъ Петровъ и другіе Выговскіе отцы составили соборъ, предварительно сами частнымъ образомъ разсмотрѣвши предложенные Игнатіемъ списки³⁾). На соборѣ оказалось, что радость и торжество Игнатія были преждевременными. Такъ напр. въ числѣ представленныхъ имъ свидѣтельствъ было присутствіе четверобуквеннаго надписанія на крестѣ преп. Антонія Римлянина, каковой крестъ будто бы былъ—по его словамъ—принесенъ Преподобнымъ „изъ Римскаго града“ и дарованъ княгинѣ Ольгѣ Премудрой⁴⁾). Справедливо на это поморскіе отцы отвѣтствовали Игнатію: „како можетъ быти сіе достовѣрно, что Антонію Преподобному даровати сей крестъ Ольгѣ княгинѣ, иже между ими разстояніе лѣтъ имѣяшеся болѣе 200 и сіе вѣсѣмъ познася весьма ложно быти. Такожде засвидѣтельствовахуся и прочія тамо положенныя доводы ложными быти, понеже тамо писанъ крестъ кровоточивыя жены (??), Евангеліе Григорія Богослова на немъ же яко бы крестъ изображенъ, и на нихъ же надписаніе четверобуквенное имѣющеея, а присланы назадъ болѣе тысящи лѣтъ, и смотриша отцы, яко въ то время Россія ниже вѣрою бѣ просвѣщена, ниже грамоту знаяше“⁵⁾). Эффектны съ внѣшней стороны были эти разоблаченія несообразностей въ доказательствахъ Игнатія. Но, какъ можно заключать изъ представленнаго описанія бесѣдъ, эти опроверженія, при всей своей яркости, были не полны. Выяснена была напр. хронологическая нелѣпость факта поднесенія Преп. Антоніемъ Римляниномъ креста княгинѣ Ольгѣ. Но чтобы вполне побѣдить своего противника, Выговцы должны были конечно доказать и то, что въ ве-

¹⁾ „Письмо Ѡ. Каливина“—л 193

²⁾ Стр. 103.

³⁾ *ibid.*—стр. 102.

⁴⁾ *ibid.*—стр. 102; ср. въ „Житіи Семена Денисова“—ркц. Н. П. Б. Q. I, № 1064, л. 51 и обор.

⁵⁾ *ibid.*

щахъ преп. Антонія и совсѣмъ не было креста съ титлой Пилатовой ¹⁾. Далѣе—если представленный на соборъ крестъ не могъ быть крестомъ Антонія Римлянина, то они должны были отрицательно рѣшить вопросъ о древности этого креста вообще. Всего этого Выговскіе отцы не сдѣлали. Поэтому у Игнатія убѣжденіе въ древности найденнаго имъ креста, а слѣдовательно и въ древности Пилатовой титлы, всетаки должно было остаться.—Относительно креста въ Евангеліи Григорія Богослова ему тоже пришлось конечно согласиться, что онъ не можетъ имѣть именно тысячелѣтней давности, но опроверженія вообще древности этого изображенія онъ отъ Выговцевъ тоже, какъ видно, не получилъ. А для значимости этого изображенія въ глазахъ Игнатія было достаточно, напр., и менѣе чѣмъ половинной давности. Была ли такая постановка дѣла сознательнымъ тактическимъ приемомъ у Выговцевъ, рассчитаннымъ на болѣе блестящій внѣшній эффектъ, или и сами они не додумались—а можетъ быть и не имѣли подъ руками данныхъ—опровергнуть доказательства Игнатія вполне и по существу,—неизвѣстно. Но эффектъ дѣйствительно получился для нихъ благопріятный. Игнатій былъ обезкураженъ,—и можетъ быть поэтому и не догадался поднять вопроса о древности представленныхъ имъ изображеній вообще. Поморское „Сказаніе о началѣ раздора ееодосіевыхъ съ Выгорѣцкимъ общежителемъ“ говоритъ даже, что онъ „прощеніе предъ отцы приношаше“ ²⁾,—онъ, пріѣхавшій за тѣмъ, чтобы покорить этихъ отцовъ своему вѣрованію. Даже привезенные Игнатіемъ списки были сожжены ³⁾.

1) Каменный шестиконечный крестъ Преп. Антонія—въ монастырѣ Преподобнаго въ Новгородѣ—имѣетъ лишь мозаическія буквы „Іс. Хс“

²⁾ „Сказаніе“.. стр 102.

³⁾ *ibid*; ср. „Житіе Сем. Денисова“—рпк. П. Б. Q I, № 1064, л. 71 обор.—А въ „Краткой исторіи о соблазнахъ ееодосіева согласія“ (рпк. П. Б. Q I, № 443, см. л. 155) говорится, что это сожженіе было произведено еще на бесѣдѣ 1727 года Но „Краткая исторія“ смѣшиваетъ событія. Она рассказываетъ о бесѣдѣ 1727 г, не какъ о первой изъ двухъ, а указываетъ на фактъ бесѣды вообще, какъ на доказательство миротворныхъ попытокъ, и аксесуары обихъ бесѣдъ соединяетъ въ одинъ случай. Показаніе „Сказанія“ достовернѣе и потому, что въ первый свой пріѣздъ въ Поморіе Игнатій не привозилъ съ собою никакихъ вообще писемъ.

Во всякомъ случаѣ обезкураженный и смущенный Игнатій не могъ сразу похоронить своихъ убѣжденій въ древности и православіи четверобуквенной титлы. Для этого еще нужно было время и подходящія условія, то-есть продолжительное воздѣйствіе на его убѣжденія со стороны хотя бы тѣхъ же поморскихъ отцовъ. Трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, которые онъ пробылъ въ этотъ свой пріѣздъ въ Поморьѣ, было для такой перемѣны недостаточно. Наоборотъ, за это время, если ему не было представлено существенныхъ опроверженій его доказательствъ, внутреннее его убѣжденіе въ значимости этихъ послѣднихъ могло даже болѣе укрѣпляться. Поэтому въ результатъ всего и вышло то, что, какъ замѣчаетъ само поморское „Сказаніе о началѣ раздора“, Игнатій „мало спокоенъ во своя съ миромъ возвратися“¹⁾. Однако онъ не рѣшился при разставаніи „оглаголатъ“ еретиками обличавшихъ его и уѣхать съ проклятіями, какъ нѣкогда сдѣлалъ это Феодосій Васильевъ. Искренній—онъ признавалъ всетаки нѣкоторую справедливость критики его доказательствъ поморцами. Вопросъ о титлѣ остался въ сущности не рѣшеннымъ.

„Въ самое водополье“ и „въ разливу водную“ поѣхали миротворцы²⁾ изъ Поморья всѣ вмѣстѣ по направленію къ Данилову. Путь былъ совершенъ не безъ „великой нужды“ и приключеній. „Въ одномъ мѣстѣ—пишетъ Феодоръ Калинычъ—врекъ и самъ было Игнатій Трофимычъ потонулъ и сконемъ ноцію да еще что близъ деревня, то мѣсто прилучилася, аще бы отъ жила далече, то конечно бы потонулъ совсѣмъ, и во всю ту дорогу все водою мучилися“³⁾. Изъ Даниловскихъ странъ Игнатій съ Максимомъ Марковымъ проѣхалъ въ Москву⁴⁾. Здѣсь онъ разсказалъ о бесѣдѣ. И

1) „Сказаніе“. стр. 102.

2) „Письмо Ф. Кал. въ Москву“—ркл. И. П. Б. Q. I, № 443, л. 196 обор.

3) *ibid.*—л. 196 обор—197

4) Во вторую свою поѣздку Игнатій отправился съ Выга по одной дорогѣ съ Феодоромъ Калинычемъ Слова „назадъ домой“ и упоминаніе о томъ, что возвращавшіеся „водою мучилися“ „во всю ту дорогу“ („Письмо Ф. К. 1757 г.—ркл. № 443, л. 196 обор—197), въ устахъ Феодора Калиныча ни на что иное могутъ указывать, какъ на то, что Игнатій Трофимовъ доѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ до самыхъ Даниловскихъ странъ. А отсюда ему всего естественнѣе было отправиться въ Москву, чтобы повѣ-

если самъ лично онъ не сдался поморцамъ, то тѣмъ болѣе должны были остаться при своихъ убѣжденіяхъ его Московскіе слушатели единовѣрцы, и раньше не бывшіе расположенными къ миру. Изъ Москвы Игнатій конечно отправился въ Польшу къ пославшимъ его отцамъ...

Среда своихъ братій по вѣрѣ, которые, не мудрствуя много, твердо держались четверобуквенной титлы, не могла не дать и мыслямъ самого Игнатія въ этомъ вопросѣ болѣе чистое еедосѣвское направленіе. Смущеніе духа, можетъ быть появившееся у него на бесѣдахъ въ Поморьѣ, разсѣялось. Здѣсь его доказательства для всѣхъ имѣли полную силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтали все большую значимость и въ его собственномъ сознаніи. Недаромъ „Сказаніе о началѣ раздора“ и говорить, что онъ послѣ своего второго путешествія въ Поморье превратился опять въ яраго защитника титлы ¹⁾.

Послѣ этой второй поѣздки Игнатій на время прекращаетъ свои заботы о титлѣ и снова начинаетъ жизнь странствующаго учителя. Въ Мартѣ 1733 года мы его, напри-мѣръ, опять встрѣчаемъ „съ товарищи“ въ предѣлахъ Старорусскихъ—въ Налючскомъ погостѣ, въ деревнѣ Кокорино на рѣкѣ Робѣѣ, въ вотчинѣ Новгородскаго Деревяницкаго монастыря ²⁾. Что онъ тутъ дѣлалъ, въ точности неизвѣстно;—вѣроятно по прежнему—училъ и совершалъ духовныя требы. Въ этотъ свой пріѣздъ онъ едва не попался здѣсь въ руки властей, все еще искавшихъ его по дѣлу Саблина съ самаго 1724 года. Укрывался онъ здѣсь „въ домѣ крестьянина Евдокима Ульянова у подсосѣдника ево бобыля Андрея Ануфриева“. Ночью на 5-е Марта крестьянинъ Ляховичскаго погоста Григорій Ососковъ, обязавшійся въ Новгородской Консисторіи сыскивать Игнатія Трофимова, отправился въ деревню Кокорино съ нѣкоторыми другими крестьянами по сообщенію Кокоринскаго жителя Василія Ильина, что Игнатій находится тамъ. Но жена Василія выдала поимщиковъ рас-

дать и тамъ о результатахъ бесѣды. Иначе зачѣмъ бы ему было и ѣхать до Даилова.

1) „Сказаніе“. стр. 103

2) Дѣло Саблина—въ архивѣ Новгор. Дух. Консисторіи 1726 г № 1, л. 109 й

кольникамъ. „Шедъ въ домъ къ старовѣрцу раскольнику Власу Ѧомину“, она „объявила“ ему, что пришли Юрьева монастыря крестьяне для поимки упоминаемаго учителя Трофимова сотоварищи“. Власъ выбѣжалъ на улицу и, „скрывая того раскольническаго учителя“, поднялъ по деревнѣ тревогу, крича, что пришли „воры“. Въ Григорія и пришедшихъ съ нимъ начали даже „стрѣлять изъ винтовокъ“, чѣмъ и принудили ихъ убѣжать изъ Кокорина за рѣку Робыю въ деревню Худую Куцу и отказаться отъ поимки Игнатія. А онъ конечно тѣмъ временемъ скрылся. Насколько были смѣлы и нахальны Ѧдосѣвцы Кокоринскіе, видно изъ того, что на слѣдующій день Власъ съ сыномъ крестьянина Емельянова явились и въ Худую Куцу и здѣсь открыто предъ самими поимщиками хвалились, что если бы Григорій и его товарищи не ушли, то всѣ были бы перебиты. А когда братъ Григорія Ѧодоръ замѣтилъ, что за это слѣдовало бы всѣхъ ихъ, говорящихъ такъ, связать, то Емельяновъ, „выхвата изъ ноженъ своихъ ножъ, угрожалъ тѣмъ ножемъ зарѣзать Григорія“¹⁾.—Такъ преданно Ѧдосѣвцы стояли за своего уважаемаго учителя.

Между тѣмъ возбужденный Игнатіевыми поѣздками интересъ къ вопросу о титулѣ нашель себѣ благопріятную почву въ Москвѣ. Между поморцами и Ѧдосѣвцами начались здѣсь по этому вопросу оживленныя пренія. „Долго ли вамъ будетъ съ титулами кресты имѣть“—говорили укоризненно Ѧдосѣвцамъ поморцы²⁾... И самъ Игнатій Трофимовъ, живя въ Польшѣ, принималъ участіе въ этихъ спорахъ, наѣзжая съ этою цѣлью въ Москву. Такой случай извѣстенъ напри мѣръ отъ 1737 года;—конечно этотъ случай былъ не единственнымъ. Въ этомъ году Московскіе Ѧдосѣвцы письмомъ³⁾ сообщили о происходящихъ спорахъ Игнатію. Тотъ, получивъ письмо, тотчасъ явился въ Москву. Оппонентами его здѣсь явились Даниилъ Матѣевъ и Ярославскій настоятель Ѧодоръ Ѧодоровъ. Сообщающій объ этой бесѣдѣ памятникъ

1) *ibid.*—л. 109 обор. 110

2) „Письмо Зенкова къ Василію Емельянову“—1779 г.;—см. въ Правосл. Обзорѣнн за 1865 г, т. XV, стр 237—238 (въ примѣчаніи); оно же (полностью) въ ркп И. П. В. Q. I, № 473, л. 16 обор.

3) *ibid.* —ркп. № 473, л. 16 обор

говорить, что „по изреченіи бесѣды ихъ паки положили миръ, чтобъ вновь иконникомъ не писать и не отливать ститлами крестовъ, а кои у кого есть ститлами тѣ-бы промѣнять мирскимъ. И въ томъ обща положили началъ и со смиреніемъ простилися“¹⁾. Но все эти бесѣды Московскія не сближали еедосѣвщину и поморщину. Примиренія это были лишь мѣстныя и частичныя, такъ какъ касались лишь одного вопроса, которымъ далеко не исчерпывалась сумма разногласій между толками и примиреніе въ которомъ еще далеко не гарантировало согласія въ другихъ пунктахъ вѣроученія.

Вообще примирительныя попытки Игнатія Трофимова создали какія-то довольно неопредѣленныя отношенія между поморщиной и еедосѣвщиной: Вражда и примиренія какъ то странно чередовались между собою и даже уживались въ одно и то же время. И такъ дѣло продолжалось до 1739 года, въ которомъ рознь и вражда опять сильно сказались—и преимущественно со стороны еедосѣвщины. Причиною этою были новые, затронутые во взаимныхъ сношеніяхъ, вопросы. Тутъ оказывалось, что и самъ Игнатій Трофимовъ могъ быть нѣсколько уступчивымъ развѣ лишь въ вопросѣ о титулѣ, а когда рѣчи и дѣло касались другихъ пунктовъ, то и онъ являлся истымъ упорнымъ еедосѣвцемъ и противникомъ поморцевъ.

Яркій случай выказать свое несогласіе съ поморцами представился Игнатію въ 1739 году. Въ этомъ году „Спиридонъ Ивановичъ, словущій во Украинѣ учитель“ поморскій, прислалъ изъ Стародубской слободы Ардони въ Польскую обитель къ еедосѣвскимъ отцамъ „грамотку“, въ которой просилъ ихъ принять его къ нимъ „въ сожитіе“, „явѣ за согласныхъ ихъ почитая“²⁾. На это Игнатій съ Терентіемъ Васильевымъ отвѣтили Спиридону особымъ посланіемъ, въ которомъ ясно констатировали фактъ, что въ сущности никакого со-

1) *ibid.*—л. 17.

2) „Краткая исторія о соблазнахъ еедосіева согласія“—ркп И. П. I. Q I, № 443, см л. 155 обор.—156

„Спиридонъ Ивановъ бысть „мужъ“ „отъ бока“ Выгорѣцкихъ отцовъ посланный ими въ Стародубье „въ правленіе тамо дѣль церковныхъ“ („Сказаніе о раздорѣ въ крещеніи“—см. выписку изъ него въ соч. Лилева „Изъ исторія раскола въ Стародубѣ и на Вѣткѣ“, стр. 339)

единенія и согласія у Ѳедосѣевцевъ съ поморцами нѣтъ. На вопросъ Спиридона Иванова—„согласны ли они съ Симеономъ Діонисіевичемъ“—они прямо отвѣтили: „согласны, но не во всемъ. Ибо намъ къ согласію препятствуетъ, ихъ страны коиновѣрнымъ въ приобщеніи небрежность, да и еще о законныхъ бракахъ мечъ нами прѣсть, кои люди изъ невѣрія въ вѣру пришедше, и святымъ крещеніемъ просвѣтившеся: и тѣхъ людей Кормчая законны браки нарицаеть; и Іоаннь Златоустъ въ бесѣдахъ браками же наричетъ. А они намъ пустынножителю невѣрны въ законны браки тѣхъ людей, кромѣ священныхъ молитвъ. О чемъ мы просимъ увѣдомленія у нихъ, гдѣ по святомъ крещеніи изневѣрія пришедшихъ православны священники наки браковѣнчали да бы намъ отъ святыхъ отецъ, правилъ, или отъ образовъ повѣдали, и въ томъ мы сомнѣнны. О титулѣ креста Господня писаніемъ насъ вѣдомыхъ сотворили, что кресту и съ надписаніемъ І. Н. Ц. І. поклоняются. А въ прочихъ вещехъ бесѣдовавшие, въ конецъ [ради великаго разстоянія], и яко нечасто видимся не произведено“¹⁾. Все вообще содержаніе письма затѣмъ представляетъ собою четыре отвѣта на столько же „вопрошеній“ Спиридона Иванова о различныхъ сторонахъ брачнаго вопроса. Игнатій и Терентій твердо излагаютъ свое Ѳедосѣевское ученіе, предлагая его на разсмотрѣніе Спиридона и предполагая конечно единственнымъ условіемъ принятія его въ общеніе съ ними слѣдованіе ихъ ученію.— Дальнѣйшее продолженіе этого инцидента неизвѣстно.

¹⁾ Это письмо сод въ ркп. И П. В. Q. I, № 228, на лл. 1—6. Начинается оно слѣдующими словами: „Гди І Х. С. Б. помилуй насъ. аминь. Страстующему Бога ради, и люботщательному снискателю Божественныхъ писаній, господину. Спиридону Ивановичу, о Господь радоваться. Благодарствуемъ за твою премногую любовь, и за присѣщеніе твое писаніемъ, честнѣ писаннымъ къ намъ, и совѣтолюбнымъ вопрошеніемъ до насъ грубѣйшихъ и маловѣдущихъ“.

Въ ркп. № 228 нѣтъ даты написанія этого памятника. Но что это есть именно „отвѣщательное письмо“ 1739 года, это подтверждается соотвѣтствіемъ содержанія „писма“ замѣчанію „Краткой исторіи о томъ, что „на помянутую грамотку Спиридона Ивановича“ „съ ихъ (Ѳедосѣевцевъ) страны Терентій Васильевичъ съ Игнатіемъ Трофимовичемъ и прочими написаша“ „въ лѣто 7247“ „отвѣщательное письмо“, въ которомъ говорили, „что согласны де мы съ Симеономъ Діонисіевичемъ и съ прочими, только не во всемъ: понеже де намъ прѣпятіе къ согласію отъ ихъ страны . о заковныхъ бракахъ“.. (л. 156 об.—157)

Между тѣмъ Поморскую церковь постигли извѣстныя внѣшнія и внутреннія злоключенія: наѣздъ 27 Марта 1739 года „комиссиі“ Самарина и образованіе въ томъ же году новомонастырскаго согласія. Поведеніе поморцевъ во время „комиссиі“ сильно уронило ихъ православіе въ глазахъ едосѣвцевъ. Увертки поморцевъ на допросахъ Самарина относительно напимѣръ перекрещиванья едосѣвцы прямо называли отреченіемъ отъ православія ¹⁾). Въ то же время поморцами было допущено и еще болѣе худшее на взглядъ едосѣвцевъ отступленіе — введеніе моленія за Царскую власть. Это „шатаніе“ поморскаго православія должно было побудить отцовъ едосѣвства позаботиться объ огражденіи своихъ чадъ отъ возможныхъ соблазновъ и объ укрѣпленіи ихъ въ своемъ древлепреданномъ отеческомъ ученіи. А возможность соблазновъ усиливалась тѣмъ, что къ описываемому времени и среди самихъ едосѣвцевъ правила отеческія стали опять на практикѣ исполняться не особенно строго. Въ то время какъ общее едосѣвское мнѣніе о чистотѣ своего православія, въ виду поморскихъ заблужденій и отступленій, возвышалось, — чистота жизни какъ пасомыхъ такъ и самихъ пастырей не стояла на соотвѣтствующей высотѣ. Въ виду всего этого въ томъ же 1739 году 11 Юня въ Польшѣ, въ деревнѣ Давыдовой, было составлено подъ предсѣдательствомъ Терентія Васильева и Игнатія Трофимова, при участіи и Ѳаддея Діонисьева (Евстрата Ѳедосѣва), многолюдное собраніе, на которомъ были повторены почти полностью статьи Новгородскаго собора 1694 года о храненіи чистоты жизни и учителями и ихъ учениками; подтверждены были и правила того же собора о новоженцахъ, дѣтяхъ новоженскихъ; словомъ — всѣ правила о бракѣ и чистотѣ жизни. Въ руководство вѣрнымъ соборъ издалъ и письменное изложеніе своихъ опредѣленій“ ²⁾).

¹⁾ Въ 11-й статьѣ едосѣвскихъ „Петербургскихъ статей“, составленныхъ 22 января 1809 г., объ этихъ отступленіяхъ говорится слѣдующее: Составитель „Исторіи Выговской пустыни“ „все умолчалъ, потому что и самъ оиъ въ число тѣхъ попалъ“, которые были строго допрашиваемы и отрелись отъ православія... (ркп. Каз. Дух. Академіи № 1750, см. л. 205 об — 206). Свидѣтельство это, какъ видимъ, позднее, — но несомнѣнно такъ мыслили и говорили едосѣвцы о поморцахъ съ самаго 1739 года.

²⁾ Въ „Книгѣ отеческихъ завѣщаній“ (ркп Владим. Дух. семина. № 75.

Участіе и главенство на соборѣ 1739 года было въ жизни Игнатія послѣднимъ, зарегистрированнымъ раскольнической ли-

т 59—62 обор.) помѣщается „Списокъ съ приговору“ этого собора. Памятникъ этотъ начинается такъ: Лѣта семь тысячъ двѣсти четьредесять седьмаго. Юня въ 11 день.

По совѣту всѣхъ духовныхъ челоувѣкъ, Терентія Васильева, Игнатія Трофимова. Ивана Иванова. Лазаря Захарьева. Ѡаддея Діонисіева. Василья Симеонова. Савина Михѣева. Симеона Сергѣева. Игнатія Тимоѣева. Георгія Андреева. Герасима Яковлева. Макарія Иванова. Феодора Феодорова и прочихъ челоувѣкъ духовныхъ, и книжныхъ, и простыхъ всѣхъ православныхъ христіанъ, мужеска полу и женска.

Было у насъ общее братское собраніе въ польше, въ деревнѣ Давыдовѣ, и приговорили мы вкупѣ, чтобъ намъ по правиламъ святыхъ отецъ чинить.

Отъ нынѣ въ кельяхъ на уединеніи съ зазорными лица, и съ духовными дочерми, и съ дѣвцами, и съ женами не жить...

(Конецъ) . . А прочее все творити намъ какъ у прежнихъ отецъ и страдальцевъ въ писмѣ положено. И въ томъ мы духовнии и мирстии межъ собою отнюдь на сей приговоръ намъ инаково дерзати не будемъ“.

Кромѣ „книги Отеч. Завѣщаній“ въ раскольнической литературѣ ингдѣ не упоминается ни о соборѣ 1739 года, ни о составленномъ на немъ приговорѣ. Но, не смотря на это, въ дѣйствительномъ бытіи собора и въ подлинности занесеннаго въ „Книгу отеческихъ завѣщаній“ документа мы основаній сомнѣваться не имѣемъ. Точнѣе указать въ „приговорѣ“ мѣста собора, года, мѣсяца и числа, подробный перечень главнѣйшихъ участниковъ собора, многіе изъ которыхъ дѣйствительно извѣстны какъ дѣятели польскіе (чегверо изъ 13-ти „отцевъ“ собора 1739 г. прямо значатся въ перечнѣ „Польскихъ“ федосѣевскихъ отецъ въ той же „Книгѣ Отеч. завѣщаній“, въ 1-й главѣ, на л. 23 обор. Эти отцы—Терентій Васильевъ, Игнатій Трофимовъ, Иванъ Ивановъ и Савинъ Михѣевъ. Польскими же они называются и въ „Сказаніи о прежде бывшихъ начальныхъ отецъ нашихъ новгородскія области“—ркп. Визанск. семни. № 172, л. 9—16. Ѡаддей Діонисіевъ, т. е. Евстратъ Федосѣевъ, тоже называется въ „Историч. словарь“ П. Любопытнаго „славнымъ пастыремъ и учителемъ Федосѣевой Церкви въ Польшѣ. Остальные восемь поименованныхъ отецъ—лица неизвѣстныя въ литературѣ), все это достаточно убѣждаетъ въ томъ, что соборъ 1739 года есть дѣйствительное событіе

Всѣ опредѣленія собора касаются чистоты жизни отецъ и чадъ федосѣевской церкви. Ничего новаго, сравнительно съ опредѣленіями Новгородскаго собора 1694 года, приговоръ 1739 г. не даетъ. Даже самый текстъ послѣдняго является очень близкимъ перифразомъ опредѣленій 1694 года, а иногда и буквальнымъ ихъ повтореніемъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что отцамъ 1739 гсда опредѣленія 1694 года были хорошо извѣстны. Впрочемъ они и сами ясно подтверждаютъ это въ концѣ своего „приговора“, заявляя: „а прочее все творити намъ какъ у прежнихъ отецъ и страдальцевъ въ писмѣ положено“ (л. 62 обор.) Сходство предме

тературой, его дѣломъ въ Польшѣ. Дальнѣйшая его дѣя-

та и выраженій въ обоихъ памятникахъ показываетъ, что подъ „писмомъ прежнихъ отцовъ и страдальцевъ“ разумѣется именно опредѣленія 1694 года. А эта близость текста „приговора“ 1739 г къ Новгородскимъ опредѣленіямъ 1694 года легко объясняется тѣмъ, что это послѣднее рукописаніе для еедосѣвцевъ послѣдующаго времени должно было имѣть чуть ли не символическій авторитетъ, и выраженія его, какъ выраженія „отцовъ и страдальцевъ“, въ официальныхъ случаяхъ должны были являться т. ск. классическими.

Мотивы собора 1739 г. не указаны въ его „приговорѣ“. Можно однако предполагать ихъ на основаніи самаго содержанія „приговора“. Въ началѣ его отцы заявляютъ: „приговорили мы вкупѣ чтобы намъ по правиломъ святыхъ отецъ чинить“;—а затѣмъ тотчасъ и подтверждаютъ правила 1694 года касательно дѣломудрія жизни самихъ же наставниковъ.. Была значить нужда въ специальномъ соборномъ понужденіи къ исполненію отеческихъ правилъ. А если въ 1694 году Новгородскіе отцы дѣлали свои постановленія вслѣдствіе того, что раньше было „слабенько попущено“ много погрѣшностей въ жизни наставниковъ, то значить и теперь жизнь пастырей и пасомыхъ опять стала слишкомъ замѣтно уклониться отъ должной чистоты.—Затѣмъ мы должвы принять во вниманіе въ качествѣ одного изъ мотивовъ для созванія еедосѣвцами собора въ 1739 году и поѣздъ въ Мартѣ этого года въ Поморье „комиссія“ Самарина. Со времени этой „комиссія“ вѣра поморская пала въ глазахъ еедосѣвцевъ еще болѣе. Возможно, что заботливые еедосѣвскіе отцы, составляя свой приговоръ 11 іюня, и имѣли, между прочимъ, въ виду напоминаніемъ отеческихъ завѣтовъ укрѣпить вѣру своихъ пасомыхъ и предохранить ихъ отъ новыхъ поморскихъ соблазновъ.

Мѣсто собора—деревня Давыдово—было очевидно значительнымъ центромъ польской еедосѣвщины, а м. б. и главнымъ ея средоточіемъ. Однако въ литературѣ эта деревня ни раньше ни позже не упоминается. Гдѣ же она находилась? Рѣшить это важно въ томъ отношеніи, что въ этомъ вопросѣ скрывается другой, болѣе общій, но въ литературѣ еще не разрѣшенный,—вопросъ о томъ, гдѣ находился главный центръ еедосѣвщины въ Польшѣ послѣ Θεодосія Васильева.

Невольно припоминается еще то обстоятельство, что и извѣстный „Польскій Уставъ“ 1751 года о мѣстѣ своего составленія выражается тоже неопредѣленно—„въ Польшѣ во Обители“. Несомнѣнно центръ Польской еедосѣвщины—хотя бы на протяженіи съ 1739 по 1751 годъ—не перемѣщался, и поэтому „Обитель“, въ которой составленъ „Польскій Уставъ“ и дер Давыдово должны были находиться гдѣ либо близко одна отъ другой.

Существуетъ одна гипотеза о мѣстѣ составленія „Польскаго Устава“ заслуживающая по нѣкоторымъ обстоятельствамъ того, чтобы о ней здѣсь сказать нѣсколько словъ—Въ „Вѣстникѣ Юго-Западной Россіи“ за 1865 годъ (№ 1-й—Іюль, стр 33; № 2-й—Августъ, стр. 111) напечатана статья покойнаго Витебскаго протоіеря о. Вас. Волкова „О расколѣ въ Витеб-

тельность—до самой смерти въ 1745 году—принадлежить

ской губерніи“ (она же издана и отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія о началѣ, распространеніи и раздѣленіи раскола и о расколѣ въ Витебской губерніи“ [стр. 1—85]; по этой брошюрѣ мы и цитируемъ (страницы) Общія историческія свѣдѣнія о федосѣвщизнѣ здѣсь занимаютъ одну страницу (стр. 32) и не представляютъ рѣшительно ничего интереснаго, развѣ только кромѣ искаженій. Напримѣръ,—„Уѣздъ Юрьевъ“, куда Феодосій Васильевъ возвратился изъ Польши, признается здѣсь, вопреки всѣмъ другимъ источникамъ, находящимся во „Владимірской губ“... Скудны и свѣдѣнія о первоначальной исторіи федосѣвщины въ самой Витебской губ.—Но говоря о Польскомъ соборѣ 1751 года (здѣсь онъ отнесенъ къ 1752 г.), авторъ представляетъ интересную гипотезу (хотя самъ онъ считаетъ свои соображенія не гипотезой, а прямо говорить, что онъ имѣетъ „полное право заключать“ [стр. 49] о мѣстѣ этого собора. Исхода изъ словъ Польскаго Устава „было у насъ общее собраніе въ Польшѣ во обители“, онъ утверждаетъ на стр. 49-й слѣдующее: „Указаніе въ предисловіи на обитель, какъ на мѣсто, гдѣ 1 Октября 1752 года былъ соборъ Феодосѣевцевъ, даетъ намъ полное право заключать, что соборъ этотъ былъ дѣйствительно въ предѣлахъ Витебской губерніи, въ Себежскомъ уѣздѣ, внутри нынѣшняго Колпинскаго прихода (въ восточной части уѣзда), въ 10-ти верстахъ отъ самой церкви, во обители, которая по разнымъ политическимъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, съ того времени, въ теченіи ста слишкомъ лѣтъ, потеряла свой характеръ и сдѣлалась почти деревней, но и до нынѣ носитъ имя обители и населена Феодосѣевцами обоюбого пола болѣе 60 ти душъ. Обитель эту въ настоящее время окружаютъ деревни: Стайки, Жалобно, Авитково, Поддача, Голубово, Сеньково, Давыдово и Островно. Во всѣхъ этихъ деревняхъ Феодосѣевцевъ, относящихся къ обительскому наставнику, какъ къ духовнику на всю округность, обоюбого пола до 400 душъ, кромѣ жителей самой Обители“ Такова гипотеза о Волкова. Какъ видимъ, основанія ея самыя общія и случайныя. Она не заслуживала бы особаго вниманія, если бы въ ней не оказывалось одного интереснаго обстоятельства. Состоитъ оно въ томъ, что въ числѣ деревень, окружающихъ „Обитель“ есть и деревня съ названіемъ „Давыдово“.

Оказывается, такимъ образомъ, что въ теперешней Витебской губерніи—въ прежней „Польшѣ“, укрышей въ своихъ лѣсахъ значительныя массы федосѣевцевъ въ XVIII вѣкѣ—недалекъ одна отъ другой есть двѣ деревни, своими названіями соответствующія тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ произошли въ 1739 и въ 1751 годахъ два важные федосѣевскія собора. Къ этому мы еще прибавимъ, что не болѣе какъ въ 20 верстахъ на востокъ отъ „Обители“ п „Давыдовой“ есть деревня „Русановка“;—а недалеко отъ дер. „Русановой“ поселился, какъ извѣстно, въ 1699 году Феодосій Васильевъ (см. „Христіанское Чтеніе, 1906 г Мартъ, стр. 391)“. Всѣ эти совпаденія придаютъ прежде всего гипотезѣ о Волкова извѣстную долю вѣроятности. Но попутно они вызываютъ и слѣдующія вполне вѣ-

Москвѣ. Въ то время, какъ въ Польской тиши совершалась эта внутренняя созидательная еедосѣвская работа, Москва начинаетъ постепенно становится для еедосѣвщины главною ареною полемики съ поморцами.

П. Густиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

роятныя предположенія: 1) какъ соборъ 1751 г., такъ и соборъ 1739 г. — Давыдовскій—происходилъ въ восточной части теперешняго Себежскаго уѣзда Витебской губ.—и 2) эта именно мѣстность и являлась въ XVIII в. главнымъ центромъ еедосѣвщины въ Польшѣ.